

КИНОВАРЬ

Поедающие быков

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Киноварь Киноварь

Поедающие быков

<https://litres.ru/74668559>

SelfPub; 2026

Аннотация

В незапамятные времена в плодоносящем оазисе пустыни процветало город-государство под названием Шахриколь. И было там три царевича: старший-воин, средний сын-праведник и младший-калека, бельмо на глазу династии, царевич Ерхиат.

И если случалось во дворце что-то дурное, так сразу именно он был в этом повинен. Ежели ссорились ученики, так Ерхиат руку приложил. Ежели пропали реликвии или же драгоценности - то Ерхиат украл. А уж коли какая-нибудь напасть посерьезнее обрушивалась на царский дом, то и вовсе не приходилось искать виновного: всякому было известно, чьё дурное влияние навлекло беду.

И когда в Шахриколь пришло поветрие, а вслед за ним стены праведного города содрогнулись от проклятия, спросите любого - и всякий ответит: виноват царевич Ерхиат.

Содержание

Непрокаленный нимб. Часть первая	4
Непрокаленный нимб. Часть вторая	12
Непрокаленный нимб. Часть третья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Киноварь

Поедающие быков

Непрокаленный нимб. Часть первая

которому служит
— *Ихсан-Ша, второй царевич Шахриколя*

**1770-й год по новому исчислению лет, пик Тахзинан,
Западные рубежи округа Тонгар**

Да не устрашится смиренный почитатель того бога,

— Горечь утраты, соль поражения.

Генерал окунул кисть в чернила и перевел взгляд на письменна.

— Морская соль стоит целое состояние, — сообщил он ровным голосом. — Я перевел не одно состояние, чтобы тебе хорошо спалось. Я забыл о твоих множественных злодеяниях, когда стало ясно, что бороться с твоей змеиной натурой невозможно, и остается только смириться.

Чернила испачкали плотную бумагу, расползаясь уродливым тёмным пятном, проглатывая волокна, проступая с обратной стороны и отпечатываясь на поверхности обитого бархатным сукном стола. Генерал отложил кисть.

— Три недели дождя. Соль размокла, и ты её поглотила. Скажи, — на короткий миг спокойствие в его голосе сменилось раздражением. — Как много я должен дать, чтобы ты насытилась?

Принцесса Сайрэн ничего не ответила генералу. На своем яшмовом ложе, обитом песочными шелками и объятom дымом курящихся благовоний, она спала. По четырём сторонам ложа стояли неглубокие чаши с морской солью; от сырости её приходилось менять всё чаще. Три недели непрерывного сна, сезон дождей. Генерал мазнул взглядом по краешку свисающего покрыва, и тут же отвернулся.

— Дожди и холодные ветра захватили гору Тахзинан. И ты всё время мерзнешь. Может быть мне стоит тебя сжечь, чтобы ты, наконец, согрелась?

Сыро, душно, шумно.

Шумели бумажные переборки, разделяющие комнаты в доме, шумели деревья на улице, рычало и хищно скалилось налитое непрокаленным железом небо, то раскаляясь, то вновь остывая. Боги урожая и плодородия смеялись над генералом, они хохотали во все горло, порождая колючие брызги, водовороты и неизмеримо глубокие воронки.

Генерал не спал.

В его кошмарах шли бесконечные войны и бушевали сражения. Он пятнал и пачкал бумагу, пальцы и драгоценные ткани обивок, чтобы спустя долгие годы войны сообщить императору о своем решении.

Генерал истязал себя в зале для покаяний.

К моменту, когда на спине у него больше не было места для удара раздвоенной плетью, в его кошмарах война оказалась проиграна. Печень иссякла, понурый надсмотрщик за-влекал орлов, совсем не горделиво и преданно заламывая спину в покаянии. Неважно, сколько облав и сражений было им пройдено с силой и мужеством — сейчас, в эту прогорклую зиму, когда сезон дождей слишком рано пришел на смену холодам, всем его битвам настал конец. И это тело, которое всё никак невозможно было приучить трястись и о чем-либо сожалеть, генералу больше было не жалко.

Ночью глаза легко привыкали к темноте, с наступлением утра — к свету.

Принцесса Сайрэн не просыпалась.

Генерал не спал.

Злой рок, Божья Кара или вселенский потоп — тело у генерала было хищным и злым. Не боялось ни холода, ни затяжных принудительных голодовок.

Девушка на яшмовом ложе таковой не являлась. Она мешалась, топталась под ногами, была обузой и усложняла всем жизнь. Она была юна и труслива, хрупка и уязвима. Пила теплоту воздуха у очага большими глотками, куталась в множество шалей и пользовалась паланкином. Пряталась под вуалью и ничему не хотела учиться.

Генерал не раз грозился оставить ее в одном из захваченных городов. Иными словами, лишить покровительства.

Иными словами, покинуть.

— Ты не хотела бороться вместе со мной и никогда не была на моей стороне. Уговаривала меня сдаться на милость командующего, — вновь заговорил генерал. — Мои советники учили — ты залезешь в пасть к дикому зверю и останешься жив, птенец. А потом появится лисица. И ты падёшь. Всем было известно, когда я паду, хотя в те годы я даже меча толком держать не был научен. Сиятельного огнекрылого ястреба пожрала мелкая плешивая лесная зверушка! — генерал рассмеялся, а затем переменялся в лице и заговорил почти ласковым голосом: — Почему же теперь ты на меня даже не взглянешь? Не насладишься своим триумфом надо мной? Почему ты молчишь?

Звенели мечи, крошились кости, рвалась плоть. И всё из-за нее. Из-за глупой нерадивой принцессы, вот так просто уснувшей, а до того — непрерывно осуждающей.

— Это мне бы стоило осудить тебя. Но я тебя озолотил.

Генерал шумно выдохнул и одним слитным движением сбил со стола все аккуратно расставленные на нем предметы. Чернила плеснули по половым доскам, закашляли медные подставки, кисти и размокшие от влажности свитки. Углем были вымазаны его ладони и белоснежные траурные одежды, густым маслянистым блеском были налиты шелка и парча. Даже лезвия и те мрачно лоснились прилипчивой, жаркой глазурью.

Услышав шум, в комнату заглянул слуга. Остерегаясь вы-

звать недовольство хозяина, он лишь слегка отодвинул ширму. Генерал тут же повелительно взмахнул ладонью.

— Мэйдар! Сейчас же наведи здесь порядок.

— Слушаюсь, мой господин.

Принцесса Сайрэн не просыпалась.

Ее хмурый и мрачный тюремщик не спал.

Стоя посреди выставшей комнаты и выдыхая белесый пар, генерал сжимал кулаки в отстраненном бессилии.

Звенели мечи, сердечный ритм барабанил сразу повсюду — в груди, в висках, в желудке и на кончиках пальцев. Ему не под силу было никак замедлить этот тяжёлый набат. Время разинуло пасть и всё никак не смыкало обратно, ибо генерал был упрям, горд и надменен. Его закаленное в боях колючее тело терпело любые пытки.

Слуги быстро очистили комнату и покинули дом. Старик Мэйдар остался и присел на лавку подле своего господина.

— Вам стоит позволить ей отдохнуть, — осторожно начал он.

— Нет, — резко откликнулся генерал. — И без того она уже злоупотребила моим гостеприимством.

Старый слуга лишь вздохнул. Этот надменный гордец не знал других путей скорби, кроме злобы и гневливого отчаяния. В нем кипят смоляные котлы, в нем комья тёмного, сырого и солёного сплавляются и растекаются смрадными лужами тошнотворных и переваренных мышечных тканей, лужи становятся озёрами, озёра — морями. Бездонные поло-

сти, водовороты и топкие топи, над которыми ни за что не проложить теперь никакой, даже самой шаткой тропы.

Время нависло над ними, не смыкая смертоносных челюстей, дыша испариной и капая остатками влаги с крыш и навесов, когда дождь ненадолго, но всё же прекратился. Стало заметно, как солнце освещает мокрую листву скупыми, ненадежными лучами. Недостаточными для того, чтобы кого-то согреть.

Генерал присел на лавку рядом со своим старым слугой. Мэйдар украдкой поймал его взгляд и тут же смутился — много там было как явного, так и неизведанного.

— Необходимо отправить письмо императору, — сказал генерал. — Его войско в трех днях пути от горы Тахзинан. Я как раз успею привести в порядок свои дела прежде, чем у подножия склона будет стоять армия.

— Как прикажет мой господин, — покорно отозвался Мэйдар.

— Я устал вести эту войну, — произнес мужчина, хотя старый слуга ничего не спросил. — Лестница, по которой невозможно забраться. Твой ничтожный хозяин откусил больше, чем может сожрать. Ты так давно знаешь мою семью... Ты воспитал мою мать, Мэйдар, и пришёл вместе с ней в дом Бахшаров. К сожалению, тебе придется увидеть также и позорное заключение её младшего сына.

— Ни в коем случае я не стал бы вас осуждать, владыка, — мягко отозвался старый слуга. — За три дня я приведу

дворец в такое состояние, чтобы император смог незамедлительно передать гору Тахзинан во владение другому господину.

— Также рекомендую отпустить прислугу, — подняв голову, генерал взглянул на окно. Как раз в это мгновение на его лицо упал солнечный луч, осветивший мрачные черты, выявивший бледность некогда смуглой кожи и красноту хищных глаз. — И ты, верный слуга семьи Бахшар, тоже можешь идти.

Мэйдар тоже обратил свой взор на чудесный яблоневый сад, вид на который как раз открывался из окна.

— Благодарю вас, милостивый господин. Как вы знаете, любой ваш приказ я готов исполнить в точности как вы пожелаете. Кроме того, что вы сказали в последнюю очередь.

— В таком случае, старик, ты умрешь быстро. Я думаю, имперцы не станут подвергать пыткам человека такого почтенного возраста.

Мэйдар взглянул на своего господина с удивлением. Никогда прежде этот суровый мужчина не проявлял заботы по отношению к окружающим его людям.

— Прикажи перенести это ложе в пурпурный павильон, — продолжил генерал. — Также я хочу, чтобы к приходу командующего Ясир на мне были одежды из той ткани с золотым шитьем в виде павлиньих перьев и головное украшение из яшмовых бусин.

— Как пожелает владыка.

Мэйдар поклонился и покинул комнату, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Генерал поплелся к яшмовому ложу, устало передвигая ноги, и остановился у самого его края. Дочь императора стояла всей крови, что была за нее пролита; стояла всех жертв, всех тех бесчисленных и неизмеримых злодеяний, которые совершил генерал Бахшар, чтобы наслаждаться ее красотой у себя во дворце.

Но теперь она спала.

И генералу, могучему воину и жестокому тирану, не оставалось ничего иного, кроме как с этим смириться.

Непрокаленный нимб. Часть вторая

Сотни и сотни тотемных зверей скребут когтями землю у подножия горы Тахзинан. К рассвету второго дня там, в небольшой ореховой роще, начали собираться воины, успевшие добраться раньше основной армии. Были разбиты шатры и разведены большие сигнальные костры.

Гора Тахзинан в свою очередь опустила знамя, подтверждая свою капитуляцию.

В то время разные разговоры ходили среди солдат. Кто-то считал, что всё это — уловка коварного узурпатора, возжелавшего нанести сокрушительный удар, собрав все полки императора в одном месте. Другие полагали, что настоящий генерал Касим уже давно пал в одном из сражений, и вместо него этот бастион занимает один из его старших братьев, решивший сдаться из-за страха перед величием императора и его прославленного командующего, благородного витязя Ясир.

— Не может быть такого, чтобы этот заносчивый павлин вывесил белый флаг! — увещевал один из солдат. — Скорее уж небо покроется трещинами, чем гордец Касим добровольно сдаст позиции.

— Глупцы! — откликнулся другой. — Зря надеетесь, что он вообще имеет намерение нас пощадить! Сам командующий Ясир не раз говорил, что мало кому под силу оценить истинное могущество такого человека, как генерал Касим. Чего стоит одна только сцена, как он в одиночку лишил жизни целый отряд капитана Шардара!

— Разве кто-то из живых людей это видел? — засомневался первый военный.

— Нет, конечно! Не было такого! Просто сказки для впечатлительных деток! — тут же загомонили со всех сторон.

— Точно вам говорю — и самим Богам не известно, какие силы подыгрывают этому сумасшедшему! Всех нас здесь ждет большое несчастье.

— Больше верьте в рассказы гражданских, — с ворчанием осадил говоривших старший в отряде по имени Ирсан. — Генерал Касим такой же человек, как и мы. И кожа у него рвется, и кровь течет, и сердце умеет бояться смерти. Помяните мое слово, мы еще увидим, как он будет на коленях умолять императора сохранить ему жизнь!

— Сын человека, обвиненного в заклинательстве, не может быть таким же, как и мы все, — робко возразил солдат. — Когда старшего семьи Бахшар вели на платформу для совершения казни, с неба падали мёртвые птицы!

— Простая уловка, — снисходительно отозвался старший. — Наверняка там был какой-то секрет. Всем известно, как эта чокнутая семейка относится к своей репутации. А

уж глава рода Бахшар был из тех, кто не упокоился бы по-человечески, не устроив цирк даже на собственной казни!

— Верно, верно, — закивали остальные. — Семья Бахшар прилично крови попила у нашего уважаемого императора. К счастью, в скором времени всё это закончится.

— Не советую вам говорить так, уважаемый, — вдруг заговорил солдат, который до этого был занят разведением ко-стра.

— Что? — от удивления брови Ирсана поползли наверх. — Кто ты таков, раз позволяешь себе подобное в отношении старшего по званию?

— Меня зовут Изару, — поднявшись с земли и отряхнув колени, юноша почтительно поклонился. — И говорю я так, исключительно чтобы позаботиться о уважаемом старшем товарище. Ходят слухи, что госпожа Бахшар тоже находится поблизости и может явиться в любой момент! Очень возможно, что кто-то из её людей уже находится среди нас. Как вам известно, старшая госпожа этого дома совсем не жалуёт такие разговоры.

— Жалуёт, не жалуёт, — Ирсан беспечно отмахнулся. — Очень скоро последней громкой пташке этого семейства подрежут крылышки и ощипают тощий зад, тогда посмотрим, будет ли эта старшая госпожа такой привередливой.

Юный солдат ничего не ответил и предпочел вернуться к работе вместо неуместных пререканий. Остальные перебра-сились еще парой общих фраз и разошлись — перед прибы-

тием командующего Ясира дел было неспорно.

Как велико бы ни было сомнение военных в желании генерала добровольно сдаться на суд, старик Мэйдар выполнял свою работу хорошо. К концу второго дня со всеми работами внутри дворца было покончено, а утром третьего служанки занялись чисткой ступеней, ведущих от подножия горы Тахзинан к воротам величественного дворца Рэйхан. Командующий Ясир прибыл точно как и ожидалось. Величественный и благородный, он явился к месту пребывания тирана и узурпатора, взяв с собой лишь три конных отряда и один пеший. Местоположение остальной армии не разглашалось. Стоило процессии приблизиться к лагерю, стало ясно, что вместе с командующим прибыл кто-то еще.

Вслед за конными солдатами двигался широкий паланкин, обитый алой парчовой тканью с вышивкой в виде павлиньих перьев. Шесть облаченных в латы воинов несли эти носилки, достойные самого императора.

Издали показалось, что в паланкине действительно Его Величество, возжелавший присутствовать при взятии в плен одного из самых могущественных преступников последних столетий.

Среди солдат распространилось волнение.

— Это не Его Величество император, — сказал Изару.

— Откуда тебе знать? — засомневались остальные.

— Красный — цвет власти, однако павлин птица рода Бахшар. Одна лишь старшая госпожа Джирана Бахшар мог-

ла позволить себе нанести нашему сиятельному правителю такое оскорбление, — тут же пояснил юноша.

Ирсан тут же уставился на него с презрением.

— Иди и займись своим делом, мальчишка! Чем кичиться и выставлять на показ свое фальшивое остроумие, лучше покажи делами, чем ты полезен этому отряду. Тогда, может быть, я и отмечу твои заслуги прилюдно.

— Слушаюсь, господин.

Когда красный паланкин поставили на землю, один из нёсших его воинов подошел, чтобы помочь откинуть полог. Однако, само собой, старший в отряде сперва поспешил уделить внимание более важной персоне.

— Уважаемый командующий господин, этот ничтожный червяк Ирсан рад приветствовать вас в этом скромном лагере. Конечно, наши условия далеки от...

— Офицер, не стоит всё усложнять, — не спешиваясь, Ясир отверг гостеприимные выпады солдата. — Оставим формальности. Я настоятельно прошу вас проявить трепетное участие по отношению к уважаемой даме. Госпожа наверняка устала с дороги.

Он имел ввиду действительно — будь проклят этот мальчишка, накаркавший беду — прибывшую вместе с ним сиятельную госпожу Джирану Бахшар, вдову главы рода и мать генерала Касима. Придворные говорили за спиной этой женщины, что она в подобие своему деревенщине-мужу совсем не чтит правила и не соблюдает приличия. Однако по коли-

честву золотых слитков и усадебных владений, поговаривали, она могла посоперничать с самим императором, чем и пользовалась вполне беззастенчиво.

Тем временем сиятельная госпожа отвела в сторону накидку паланкина и, вложив пальчики в ладонь своего стражника, грациозно спустилась на землю. Одним слитным и изящным движением она откинула за спину длинный шелковый шлейф с изображением распушенных перламутровых павлиньих перьев. Ткань переливалась и под солнечным светом казалась то зеленой, то красной, то почти черной.

— Приветствую уважаемых воителей, — сказала она, однако при поклоне почти не согнула спины.

Это была женщина особой, хищной красоты. Во времена ее молодости в высокой и чёткой линии скул и точёных просчерках бровей прослеживалось суеверное сходство с чем-то демоническим. Считалось, что герб с павлином ей совершенно не к лицу, и многие именитые дворяне сожалели о том, что эта дикая кошка стала женой манерной курицы, грешащей высокомерием. Сейчас яркость черт, присущих юной деве, умерилась, — на пятом десятке острые скулы, высокий лоб и брови вразлет стали придавать её лицу вечно недовольное, надменное выражение.

Похоже, юнец Изару оказался прав. Судя по недоброму взгляду, которым госпожа Джирана мазнула по долговязой фигуре офицера, она знала, хоть это было и невозможно, каким неуважительным образом отзываются о её супруге, ныне

покойном. Наверняка у вдовы колдуна найдутся свои уловки, чтобы быть обо всем осведомленной.

Однако солдат не растерялся:

— Уважаемая госпожа, этот ничтожный Ирсан не был предупрежден о вашем прибытии...

— Не утруждайся, — манерно выгнув бровь, Джирана приподняла подол своих одежд и двинулась по хлюпающей под сапогами грязи в сторону лестницы. — Я ничуть не устала и никоим образом вас не стесню. Всё, о чем бедная женщина может просить, — взглянув на командующего Ясира снизу вверх, она потянула уголок губ в тонкой ухмылке, тут же вновь став похожей на кошку. — Так это о капле времени наедине с её непослушным негодником сыном.

Не дожидаясь отказа или соглашения, она прошествовала мимо солдат и принялась взбираться по ступеням.

— Но госпожа... — растерянно донеслось ей вслед.

Командующий поморщился и пробормотал себе под нос несколько ругательств, которые женщина, конечно, расслышала, однако никто из солдат не посмел что-либо предпринять. Всё же эта старшая госпожа обладала особым положением, предполагающим как неуязвимость перед служителями закона, так и своего рода вседозволенность.

Преодолев несколько первых ступеней, женщина остановилась и оглянулась через плечо. Тонкая шея гибко изогнулась, и зазвенели длинные нефритовые серьги.

— О, боюсь, такой пожилой даме как я не преодолеть в

одиначку всё это расстояние. Прошу тебя, юноша, — с улыбкой она обратилась к юнцу. — Окажи мне посильную помощь.

Лестница к дворцу Рэйхан была чисто выметенной, вздрагивающей резкими подъемами и витыми перегибами. Госпожа Джирана и сама прекрасно справлялась с тем, чтобы с легкостью взобраться по ней. Вместе со следующим по пятам юношей она преодолела пышную кипарисовую аллею, персиковый сад и галерею скульптурных арок, которые так ценил её сын.

Сейчас все до единой фарфоровые статуэтки оказались разбиты. Осколки, оставленные неубранными, утонули в размокшей земле; их цвет скрыли грязь и дождевая вода. Госпожа Джирана еще не вошла в дом, но уже чувствовала его запах, — тошнотворно сладкий, тяжёлый, граничащий с трупным смрадом.

— Гневливый мальчик, — цокнула языком женщина. — Ему надлежало сразу обратиться ко мне вместо того, чтобы устраивать сцены на потеху толпе.

— Не думаю, что слуги здесь умеют потешаться, — мрачно подметил Изару.

Сразу после галереи взору открылся родник и проложенный через быстрое течение ярко-красный горбатый мостик. Госпожа потрудилась приподнять подол своих пышных одежд и взобралась на густо промасленные доски. Не доходя до середины, она остановилась.

— Его отец на дух не переносил этот дворец на горе Тах-зинан, — произнесла она досадливо. — Худшее место, где можно было просить о благословении. Старшие братья Касима тоже не жаловали сюда приезжать. Ему самому не было дела до забот об удобстве или собственных прихотях. Однако вид с этой горы оказывал благоприятное действие на самочувствие принцессы Сайрэн. Кажется, он говорил, что здесь замечательное скопление духовной энергии.

Джирана замолчала, задумавшись.

— Полагаю, так и есть, — почтительно произнес Изару, когда стало понятно, что госпожа не будет продолжать.

— Правила очень просты, — женщина отвернула голову, взглядываясь в бушующий под ногами поток. — Я надеюсь, ты все их помнишь.

Юнец кротко улыбнулся, с готовностью подавая госпоже Джиране руку, чтобы помочь спуститься с моста.

— Разумеется. Никому не хочется познать гнев генерала Касима.

— У моего сына хорошие помыслы, — женщина грозно сощурилась, тёмные брови столкнулись у переносицы подобно круто выгнутым саблям кровных врагов. — И чаяния. Он рос в сложное время, — её голос звучал размеренно и отстраненно, словно она произносила много раз выверенную, доведенную до идеальности речь, ни мгновения не сомневаясь, что сможет ошибиться хоть в чём-то. — Конечно, ты смотришь на меня и думаешь, что любая мать сказа-

ла бы то же самое. Это ведь свойственно матерям. Искать оправдание, защищать любой ценой, — она покачала головой так, что её серьги вновь зазвенели. Этот звук напомнил перезвон ритуального колокольчика. — Ясир, этот негодный мальчишка, всю дорогу молчал, как проклятый! Но даже глупой павлиньей госпоже известно, какое наказание будет ждать человека, решившего ступить на кривую дорожку. Исключений не было и не будет. Мы идём с тобой в это скорбное место, чтобы просто провести этого бедного юношу.

— Разумеется, уважаемая госпожа.

— С малых лет я учила сына молиться богам. Может быть, ему было суждено тоже стать богом.

— Если и так, то эту яшмовую девушку он не смог бы поднять за собой.

Если и так, в этом мире на одного жестокого бога стало бы больше. Сотни и сотни неумолимых злодеяний совершил этот человек еще до того, как яшмовая принцесса оказалась у него в плену, что уж говорить о том, как много было жертв уже после этого! Столько человек, княжеств, столько храмов и слабых богов сверг он, и угомонился лишь тогда, когда сжил со свету еще и её.

Если и так, не было доселе в этом государстве ни командующего, ни героя, способного обратить в бегство армию Касима.

Если и так, не найдется также в этом государстве и матери, которая станет с улыбкой смотреть на то, как её бедного сына

поведут на казнь, и ничего против этого не предпримет.

Сразу на другой стороне их встретил Мэйдар с доброжелательной улыбкой человека, знающего, чего ожидать.

На пороге комнаты сына женщина помедлила.

— Мэйдар.

— Да, моя госпожа.

— Мой сын... в каком он состоянии?

— Он силён, как бык, уважаемая госпожа, — с улыбкой ответил старый слуга. — Ему под силу вынести такого рода испытание.

Джирана поджала губы и отвернула голову, словно колебалась и уговаривала себя не передумать.

— Заходите, госпожа, — подсказал Изару. — Время не ждёт.

Непрокаленный нимб. Часть третья

Время скалит клыки и роет землю когтистой лапой. И пока тут, на пороге, в шаге от переживающего потерю сына женщина мается в тревоге и колебаниях, за плотной ширмой тиран и узурпатор Касим не знает ничего ни о ее горестях, ни о муках пространного выбора.

Когда беспокойная мать перешагнет порог, в комнате будет пахнуть дождем и патокой, потому что за час до прибытия процессии Мэйдар распахнул окно. На столе будут педантично расставлены каллиграфические наборы, чистая бумага, документы и письма. Кровать хозяина будет аккуратно застелена, вещи сложены, личные принадлежности расставлены по местам.

Касим будет сидеть так же, как сел три дня назад, — склонившись над яшмовым ложем грудой неверно сросшихся костей и изогнутых скорбными кривыми растянутых сухожилий. И внутри у него по прежнему будет одна только скисшая масса невыраженных сожалений; грубо запиханные в пасть хищному зверю упреки и осуждения, неминуемо переваренные в глубинах его околосердечных полостей.

С тихим звуком дверь раскрылась и почти сразу вернулась на место. Беспокойная мать рвано выдохнула и медленно

вдохнула, прежде чем генерал заметил чужое присутствие. Пространство вокруг него покрылось рябью и потемнело — женщина почувствовала это, как чувствуют смутное беспокойство люди, прежде чем ночью войти в дремучую чашу. Словно страх перед страшным местом или жутким спящим чудовищем, которое лучше не тревожить и тихо пройти мимо. Дрожь и вязкое, липкое и горячее, как незастывший воск над верхней губой и вниз по загривку обжигающе-отрезвляющей каплей.

Подавляя желание отступить, Джирана протянула руку.
— Мой драгоценный сын.

Поняв, кто перед ним, генерал опустил плечи и ниже склонился над яшмовым ложем, вмиг утратив всю ауру хищного предостережения.

— Матушка.

Джирана выпрямила спину и прищурила свои резко стянутые уголками кверху глаза. Зрелище, представшее её взору, оказалось во сто крат хуже, чем она могла себе вообразить.

Глубоко вдохнув, она приблизилась к окну и шумно задвинула ставни.

— Значит, ты так решил поступить, — тихо сказала она. Её тёмные глаза покраснели от горя и сухой досады.

— Ты пришла, чтобы меня осудить? — не поднимая взгляда сказал генерал, и голос его прозвучал ровно, словно не было и тени той мутной, вязкой горечи, что разъедала

гортань.

— Тебя осудит другой человек, — резко ответила мать. — Он уже у тебя на пороге. Точит мечи и самодовольно ждёт, полагая, что в твоей капитуляции есть хоть капля его проклятой заслуги! Столица гудит о том, что скоро этот подлый самовыдвиженец притащит тебя за волосы к подножию императорского трона, и тогда все его советники соберутся, чтобы вынести для тебя приговор.

— Ты говоришь о командующем Ясире? — наконец мужчина поднял взгляд.

В полумраке застывшей спальни его глаза казались отражением глаз матери. Такие же уставшие, измученные, слишком раскосые, что несколько глубоких морщин из уголков к верхнему веку только лишь подчёркивали.

— Значит, ты прибыла вместе с ним.

— Пока я здесь, он будет ждать. Этот паршивец не посмеет ворваться... конечно, он не посмеет.

Госпожа Джирана приложила руку к лицу и украдкой растёрла ноющие виски. Как и любой живой человек, даже под весом прожитых лет она сомневалась в правильности слов, которые хотела произнести. Однако материнское сердце, даже такое сухое и молчаливое, как у женщин рода Кадзари, склоняло протянуть руку страдающему юнцу.

Отец Джираны, господин Кадзари, был князем в третьем поколении. Его прапрадед считался одним из мудрейших людей, приближённых к императору Сайрэн. Однако в те

времена люди много говорили о том, что этот человек, похожий на змея, появился из ниоткуда и исчез неизвестно куда, оставив после себя две красавицы дочери и сына, похожего на лягушку.

Когда юная девушка такого блистательного рода стала женой землевладельца, праздные сплетники вмиг позабыли о том, кем был её прославленный предок. В народе этого мирного и благопристойного фермера никто не стал бы прославлять и называть великим. По мнению многих, выдать красавицу Джирана за такого простака было огромной ошибкой.

Считалось, что дьявольской красотой её младший сын был обязан роду Кадзари, а безбожной глупостью и недалечностью, конечно же, оказался весь в своего отца. Однако, когда отец семейства Бахшар прошёл на плаху под градом из множества поражённых болезнью птиц, а его третий бестолковый сын явил миру всю свою дурную силу и злость, настроения среди дворян, а главное среди советников императора, резко переменялись.

— Каким бы ни был исход сегодняшнего дня, ты должен знать, что я навестила тебя не просто так, — проведя подушечками пальцев по рабочему столу сына, госпожа Джирана взяла в руки тонкую кисть и вывела несколько знаков придворной вязи прямо на обивке стола. — Я не буду лгать тебе и водить кругами, прежде чем ты утомишься и еще больше опозоришь наш род.

Она говорила мягко, словно уговаривая. Генерал ощутил,

как проходит по телу волна отчаянного сопротивления. Как предзнаменование будущего падения или же разрушение былого величия, эта странная дрожь обдала мужчину вдоль хребта плавко-горячим кнутом.

Касим проследил за ней тяжелым взглядом. Он непроизвольно вытянулся, чтобы прочитать надпись, однако с его места это было невозможно. Совершенно очевидно, что Джирана звала его подойти поближе.

— Когда моя прабабушка намеревалась связать свою жизнь с мужчиной, её отец наполнил женские залы своего дома приданым от пола до потолка. Драгоценные меха, золото и самоцветные камни, прекраснейший морской жемчуг... Остатки этих драгоценных даров я использую по сей день, когда приходит пора платить по счетам, — женщина взглянула на сына исподлобья тем самым взглядом, который так не любили в её окружении. Её кисть изящно двинулась, пачкая драгоценную столешницу. — Когда моя бабушка становилась женой, её отец умножил дары, полученные прабабушкой. Среди этих подарков нашлись даже драгоценные письмена и молитвенные свитки.

В присутствии Джираны время больше не скалило зубы. Подобно прирученному щенку, оно припало на живот и заскулило, опасливо и покорно подставляя бока. Эта женщина знала, как распоряжаться всем, за что заплатила.

— Когда моя мать выбрала моего отца, её отец отдал им в безраздельное владение усадьбу размером не меньше импе-

раторского дворца, — медленно, нараспев продолжила женщина. — В этом доме и ты был рождён, мой сын. Боги не послали мне дочь, чтобы я могла так же собрать для неё множество бесценных сокровищ. Однако лучший подарок из всех возможных достанется от меня твоей суженой.

Генерал взглянул на мать с пугающе отсутствующим выражением на бледном лице. Казалось, он не расслышал ни слова из того, что она говорила, и не хочет просить повторить.

— Твоя матушка привела с собой человека. Всё, о чем я могу просить, так это чтобы ты его выслушал.

Касим перевёл беспомощный взгляд на спящую принцессу. К сожалению, она не могла дать сейчас никакого совета. На миг госпожа Джирана вновь ощутила ауру настороженно-недовольства — её младший сын протестующе замычал, качая головой, а затем и вовсе замер, вперившись взглядом в края яшмового ложа. Однако затем все прекратилось. Он взглянул на мать спокойными чистыми глазами, как образцовый сын.

— Твой человек ничем не сможет мне помочь.

— Напротив, — упрямо настояла женщина.

— Ни у кого нет того, что мне нужно, — теперь в тоне генерала появилась досада.

— Жизнь научила тебя просчитывать наперёд, — Джирана протянула руку и постучала пальцами по ширме, давая юнцу Изару условный знак. — Я же прошу забыть на время

эту суровую науку. Пусть мои уроки прошли даром и никак тебе негодились, я вынуждена настоять. Со всей строгостью заявляю, генерал Касим, ты не спустишься с горы Тахзинан и не сдашься плешивому командующему Красной Горы, пока не выслушаешь этого юношу.

Изару остановился напротив генерала, почтительно согнув спину. Касим угрожающе сощурился.

— Кого ты сюда привела? — грубо спросил он.

— Оставь эту манеру рычать, как дворовая псина, — в голосе Джираны послышалось нетерпение. — Этого человека зовут Изару, паршивец, и будь с ним вежлив! Пригласить его в такую даль стоило целое состояние.

— Что бы ты ни сказал, — грудь генерала поднималась и опускалась — это бесполезное тело продолжало дышать, пока все, ради чего он завоевывал города, лежит на яшмовом ложе в шелках и парче. — Лишь потеряешь время.

У генерала хмурые глаза.

— Нет, — вопреки подрагивающим рукам, голос солдата прозвучал твёрдо, с оттенком упрямой неугасающей надежды, свойственной, по мнению генерала, лишь дуракам и безумцам. — Я вижу, господин, что у тебя случилось. Твоя горе велико, здесь не о чем спорить. Однако что, если твоё заветное желание может быть исполнено?

Не дожидаясь ответа, юноша сел перед генералом на пятки и достал изящную глазурованную шкатулку, продолговатую и узкую. Касим на него уже не смотрел.

Его взгляд был направлен прямо и вместе с тем словно бы в никуда — сложно было видеть этого сурового человека таким безучастно потерянным.

— Пустое бахвальство, — рука в бугристых шрамах и рытвинах вяло приподнялась и легла на край яшмового ложа, сжимаясь и прихватывая обломанными ногтями грани искусно выбитых узоров. Следующую свою фразу он небрежно бросил матери, как если бы они были в комнате наедине: — Мне не нужны шарлатаны и лицедеи.

— Сын мой!

— Господин...

Касим раздраженно вздохнул.

— Кем бы ты ни был, уходи, — прежняя вязкая медлительность, так напоминающая ауру не до конца пробудившегося чудовища, сменилась прямодушной строгостью растревоженного зверя. — Матушка может остаться.

Он больше ничего не сказал.

Могучие плечи опали, выдавая изможденность и демонстрируя уязвимость. Генералу не было дела до своего вида, он никого не прогонял насильно. Ему совершенно безразлично, уйдет этот юноша в итоге или же останется.

Его принцесса спит уже двадцать шестой день.

Сам он столько же не может уснуть.

Джирана нахмурилась и собиралась было вмешаться, однако приглашенный юноша жестом ее остановил. Не поднимаясь с колен, он осторожно подполз к яшмовому ложу и

поставил свою шкатулку прямо на алтарь с курящимися благоговениями.

Касим тут же вскинулся, словно перед броском.

— Ты! Как ты...

— Это, — Изару пресёк вспышку ярости торопливым, рваным словесным потоком, указывая на подношение. — Величайшая драгоценность, достойная самого императора.

В глаза генералу сейчас сложно смотреть. Изару не выдерживает этот взгляд, смотря пока только на свои боязливо сжатые на коленях руки.

— По преданию, богиня создательница обронила эту вещь случайно, и в обильном скоплении ее сил артефакт пролежал незамеченным долгие столетия, пока члены моего ордена не обнаружили его уже в руинах. С момента создания он использовался лишь трижды. Потенциал этого зачарованного предмета еще не исчерпан, однако монахи-хранители жалуют эту возможность как милость с величайшей осторожностью и лишь по крайней нужде...

Генерал слушал молча, терпеливо и не встревая. Юноша решил, что это и есть его дозволение продолжать.

— Согласно установленному в мире порядку, который монахи-хранители неустанно блюдут, почитая своим неизменным и вечным долгом, воспользоваться каким-либо из божественных сокровищ может лишь наиболее приближенный к небожителям человек. И, поскольку юная принцесса Сайрэн Махири принадлежит роду Сайрэн, чистота крови позволяет

в этом случае воспользоваться этим предметом и достигнуть успеха, — не переставая говорить, юноша раскрыл шкатулку и повернул содержимым к мужчине напротив. — Шанс получить аудиенцию у древнего бога никогда не дается просто так. Монахи-хранители в своих решениях придирчивы и избирательны. Несколько недель назад, когда уважаемая госпожа Джирана прибыла к воротам нашего храма, было решено совещаться и методом голосования избрать подходящий случаю божественный артефакт.

Когда речь Изару прервалась на несколько мгновений из нужды юноши тщательно взвешивать каждое произнесенное слово, что-то в комнате неуловимо переменилось. Генерал Касим по прежнему оставался неподвижен, однако его глаза, до того бывшие глазами каменной статуи, вспыхнули снопом искр и занялись буйным прожорливым пламенем.

Утомленный сражениями и потяжелевший под весом собственных дум, он, наконец, усилием пробудил себя ото сна. — Продолжай.

Изару повиновался неукоснительно.

— Перед нами сейчас сокровище величайшей ценности даже по меркам божественных зачарованных предметов. Весь день и следующую ночь монахи совещались, решая, стоит ли доверять преступнику ценность такой природы, — на этих словах Касим неуловимо вздрогнул, но перебивать не стал. Гордыня в нем давно уже уступила место скорбному смирению. — Усилиями уважаемой госпожи нам удалось

склонить чашу весов в твою пользу, генерал. Ключевым аргументом также является то, о чем я намерен предупредить в первую очередь — ни при каких обстоятельствах ты не должен применять эту реликвию к кому-либо, кроме девушки Сайрэн Махири.

Пристальный генеральский взгляд дрогнул и на мгновение метнулся к лицу принцессы одним коротким, колющим мазком, не выражающим ни нежности, ни печали. Кончики темных ресниц напоминали острия тонких метательных клинков, влажный блеск уныния сменился заревами пожара.

Чувство совершенной ошибки подкатило к горлу сырым смрадным комком, который Изару с дрожью сглотнул.

— Таковы правила, — продолжил он ровным голосом, не выдающим ни колебаний, ни опасений. — Которых кроме того не мало. И каждое вы обязаны будете в точности соблюдать, чтобы девушка Сайрэн Махири смогла воспользоваться подарком богини целительницы.

Касим дышал шумно и сбивчиво. Так легкие, словно два мощных кузнечных горна, раздували копящийся взрывоопасный гнев. Сам он напоминал вновь пробудившийся вулкан, дымящий и уже плюющийся огнём.

— С чего я должен верить тебе? — цепким движением он выхватил шкатулку из чужих рук и взгляделся в лежащий на бархатном дне пояс из червонных звеньев, в пасмурном свете комнаты отдаленно напоминающим змеиную чешую. —

Таких безделиц в моей сокровищнице тьма. Уходя, ты можешь забрать их все.

А после мужчина одним движением отбросил шкатулку через плечо, словно она и правда не стоит ни гроша. С глухим стуком она отлетела в угол, раскалываясь от силы удара.

Изару стиснул зубы.

— Сын мой! — воскликнула Джирана, подсакивая на ноги.

— Господин, — с нажимом процедил юноша, подбираясь телом. — Монахи-хранители не зря прозвали тебя величайшим из бедствий, постигших страну! Однако решать не тебе. Сей дар предназначен принцессе Сайрэн Махири.

Взгляд Касима потемнел.

— Ты пришел сюда посмеяться над этой святой душой?!

— Я пришел, чтобы исполнить свой долг, — сжав кулаки, Изару незамедлительно поднялся на ноги и подобрал зачарованный предмет, с которым обошлись так неуважительно. — Пришел в дом глупца и малодушного труса, не способного отличить жемчужину от подделки. Выходит, все рассказы про тебя — скверная ложь.

Вулкан задымил и выплюнул сгустки черного смога.

Вмиг в комнате стало темнее и жарче вдвое.

— Пшел прочь!

Но в глазах послушника монастыря больше не было ни страха, ни уважения.

— Если тебя и правда воспитывал такой человек, как

Амин Бахшар, то в тебе будет достаточно сил, чтобы принять этот дар.

— Глупый мальчишка, разве бы привела я в твой дом лежа в этот скорбный час? — с отчаянием в голосе вторила ему Джирана, подаваясь вперед. — Из безграничной любви к твоей жизни я прошу тебя принять это испытание. Выслушай же, что тебе говорят!

Голос у генерала сделался хриплым:

— Что это значит?

— Мой орден удостоил тебя величайшей чести, — теперь, когда Изару стоял, он возвышался над сидящим и сгорбившимся генералом. — Но, лишь поклявшись следовать правилам, чего бы тебе это ни стоило, ты получишь инструкции.

— Клясться тебе? — пробудившийся хищник опасно сощурился и подался вперед, упираясь локтями в колени. Подбородок опал, и лицо оказалось спрятано за густой завесой неубранных волос. — Я...

— Касим, — мать подошла со спины и положила ладони на его сгорбленные плечи. — Этот юноша тебе не враг. Он пришел, чтобы явить тебе благословение древней богини. Подумай, ты сможешь искупить свою вину! Это шанс, мой милый. Ты должен хорошенько подумать.

Мышцы под тонкими женскими пальцами напряглись и пришли в движение. Когда генерал выпрямился во весь рост, пространства в комнате стало вдвое меньше. Изару ждал взрывов, шипастых копий и гневных проклятий, однако на

этот раз мужчина повел себя сдержанно. С печатью прокишшей скорби на некогда красивом лице он вновь взял в руки шкатулку, практически вырывая ее из хватки посланника. Отколовшаяся крышечка осталась в его руках, содержимое же шкатулки тут же было извлечено гневливым гордецом с тем, чтобы быть вновь тщательно осмотренным.

— Это сокровище святыни сиятельной Лахумэ, Созидающей и Врачующей. Лишь совершив паломничество в старый храм и совершив подношения, ты сможешь получить ее милости. Сколько прошло дней?

Измученный ночами без сна генерал не сразу понял вопрос.

— Что?

— Принцесса Сайрэн. Как давно она спит?

На осознание важности ответа на этот вопрос ушло некоторое время. Мужчина молчал, раздумывая.

— От твоей расторопности в этом деле зависит, станет ли верховное божество спускаться, чтобы выслушать тебя, — терпеливо пояснил Изару.

— Где, — голос прозвучал хрипло и с трудом, вынуждая Касим прокашляться. — Где находится этот храм?

Изару покачал головой, чувствуя себя отмищенным.

— Сперва я жду от тебя ответа.

Генерал тут же запальчиво отвёл руку с поясом в сторону, потрясая в воздухе и грозя вновь швырнуть прочь.

— Я не стану отвечать на твои расспросы!

— Тогда мы не договоримся.

— Проклятый упрямец, — раздраженно вклинилась в спор Джирана. — Благосклонность ордена хранителей стоила мне целое состояние!

Генерал рассмеялся.

— А если они торгуют божественными предметами, на кой черт мне тогда верить в этих богов? Если...

Звук звонкой пощечины оборвал его запальчивую речь. Голова генерала отклонилась вбок, взгляд вновь уперся в безмятежное лицо спящей принцессы. Госпожа отошла в сторону, потирая запястье.

— Столько побед и поражений. Столько смертей на твоём пути. Не смей ожидать легкого решения своей проблемы, мальчик! Если ты ступишь на эту тропу, все твои предыдущие завоевания обратятся в пыль.

— Мне нет никакого интереса в том, чтобы лгать тебе, господин, — продолжил Изару. — Я явился по просьбе монахов и исключительно ради принцессы Сайрэн Махири. Полагаю, с тобой у нас одинаковый интерес.

О безумном тиране говорили много и плохо. Говорили, у него не было сердца и разума, а была только сила и умение ее применять. Было также известно, что на пике своих бесчинств он похитил из дворца императора его младшую и горячо любимую дочь. Сайрэн Махири в руках этого деспота была лишь пленницей. Сотни и сотни злодеяний он совершал, пока эта яшмовая безделушка была у него в руках.

Сотни и сотни прославленных воинов бросали ему вызов в надежде стать для девушки освободителями.

Гневливый тиран все их попытки сводил к одному.

Никому из этих героев за все это время не удавалось даже краем глаза взглянуть на принцессу.

Говорили, однажды он самолично лишит ее жизни, и лишь после этого вернет тело скорбящему отцу. Говорили, такому бессовестному деспоту вовек не искупить грехов, совершенных перед этой невинной душой.

Император горевал по дочери, как по мертвецу, пока она была еще жива. Сейчас, в этом потерявшем краски дворце на режущем облака пике Тахзинан, скорбеть о принцессе Сай-рэн Махири больше было некому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.